

З.М. Ержан* , **А.Р. Масалимова**

Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: zemfirayerzhan@gmail.com

ТЕОРИЯ ТРАВМЫ: ТРАЕКТОРИИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена обзору научных публикаций, представляющих дальнейшее развитие теории травмы в западной культурсоциологии. Ее цель – проанализировать современную историографию теории травмы, ее применимость в эмпирических исследованиях, которые значительно расширяют ее методологию. Рассмотрены сборники, изучающие теорию травмы на примере регионов, находящихся вне Европы и Северной Америки; применение теории травмы к масштабным волнам репатриации, связанным с крушением колониальных империй, а также использование теории травмы в постколониальной литературной критике. В связи с научными интересами авторов, связанными с формированием японской национальной идентичности, особое внимание в ней уделяется трудам А.Хашимото. Данное направление исследований видится актуальным для целей формирования постсоветской национальной идентичности в свете выявления травмирующих эпизодов национальной истории и осмысления историко-культурного опыта XX века в целом. Методология публикации основывается на анализе историографии, которая демонстрирует формирование теории травмы как зонтичной методики, включающей исследования разных гуманитарных дисциплин: социологии, культурной социологии, антропологии, постколониальной теории. Результаты представленной статьи могут быть использованы в свете изучения теории травмы. Данный обзор представляет практическую пользу для гуманитариев постсоветского Казахстана как страны, пережившей травматические события и процессы в своей истории, в качестве знакомства с современными западными методологиями, изучающими подобные травмы.

Ключевые слова: теория травмы, национальная идентичность, деколонизация.

Z.M. Yerzhan*, A.R. Masalimova

Al-Farabi Kazakh national university, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: zemfirayerzhan@gmail.com

Trauma theory: trajectories of empirical investigations

The article is devoted to a review of scientific publications representing the further development of the theory of trauma in Western cultural sociology. Its purpose is to analyze the modern historiography of trauma theory, its applicability in empirical research, which greatly expands its methodology. The collections that study the theory of trauma on the example of regions outside Europe and North America are considered; the application of trauma theory to the massive waves of repatriation associated with the collapse of colonial empires; and the use of trauma theory in post-colonial literary criticism. In connection with the scientific interests of the authors related to the formation of the Japanese national identity, special attention is paid to the works of A. Hashimoto. This line of research is seen as relevant for the purposes of forming a post-Soviet national identity in the light of identifying traumatic episodes of national history and comprehending the historical and cultural experience of the 20th century as a whole. The publication methodology is based on the analysis of historiography, which demonstrates the formation of the theory of trauma as an umbrella methodology, including studies of various humanitarian disciplines: sociology, cultural sociology, anthropology, postcolonial theory. The results of the presented article can be used in the light of studying the theory of trauma. This review is of practical use for the humanities of post-Soviet Kazakhstan, as a country that has experienced traumatic events and processes in its history, as an acquaintance with modern Western methodologies that study such traumas.

Key words: trauma theory, national identity, decolonization.

З.М. Ержан*, А.Р. Масалимова

Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: zemfirayerzhan@gmail.com

Травма теориясы: эмпирикалық зерттеулердің траекториялары

Мақала батыстық мәдени әлеуметтанудағы жарақат теориясының одан әрі дамуын білдіретін ғылыми жарияланымдарға шолу жасауға арналған. Оның мақсаты – жарақат теориясының қазіргі тарихнамасын талдау, оның әдістемесін едәуір кеңейтетін эмпирикалық зерттеулерде қолдану мүмкіндігін көрсету. Еуропа мен Солтүстік Америкадан тыс аймақтар мысалында жарақат теориясын зерттейтін жинақтар қарастырылған; отаршылдық империялардың күйреуімен байланысты репатриацияның жаппай толқындарына жарақат теориясын қолдану және отаршылдықтан кейінгі (постколониалдық) әдеби сында жарақат теориясын пайдалану жолдарына назар аударылған. Жапондықтардың ұлттық болмысының қалыптасуына байланысты авторлардың ғылыми қызығушылықтарына байланысты А.Хашимото еңбектеріне ерекше назар аударылады. Зерттеудің бұл бағыты ұлттық тарихтың күйзеліс эпизодтарын анықтау және тұтастай алғанда ХХ ғасырдың тарихи-мәдени тәжірибесін түсіну тұрғысынан посткеңестік ұлттық бірегейлікті қалыптастыру мақсаттары үшін өзекті болып табылады. Мақала әдістемесі тарихнаманың талдауына негізделген, ол жарақат теориясының «қолшатыр» (umbrella research) әдістеме ретінде қалыптасуын көрсетеді, оның ішінде әртүрлі гуманитарлық пәндерді: әлеуметтану, мәдениет әлеуметтану, антропология, постколониалдық теорияны зерттеу. Ұсынылған мақаланың нәтижелерін жарақат теориясын зерттеу аясында пайдалануға болады. Бұл шолу өз тарихында ауыр оқиғалар мен процестерді басынан өткерген ел ретінде посткеңестік Қазақстанның гуманитарлық ғылымдары үшін, осындай жарақаттарды зерттейтін заманауи Батыс әдістемелерімен танысу ретінде практикалық тұрғыдан қажет.

Түйін сөздер: жарақат теориясы, ұлттық бірегейлік, деколонизация.

Введение

Теория травмы, получившая развитие и признание в западной социологии рубежа веков, внесла значительный вклад в становление нового методологического дискурса. Данный дискурс сформировал особое направление, получившее название культурной социологии. В свою очередь, оно оказало влияние на становление культурного поворота в современных гуманитарных науках. Издатели серии книг по культурной социологии называют ее одной из самых ярких и широко признанных областей исследований в социальных науках в мире на сегодняшний день (Eyerman, Sciortino, 2019: ii).

Теория травмы и тесно связанная с ней проблема культурной памяти с некоторых пор стала привлекать внимание отечественных гуманитариев. К числу таких публикаций следует отнести статьи А. Айтеновой, С. Кайратулы «Культурная травма как способ исследования социальных изменений» (Айтенова, 2022), статью А.Мустояповой «Теория травмы и нарратив» (Мустояпова, 2021), а также ее публикацию «История казахов – это коллективная травма, которую надо принять» (Мустояпова, б, 2021).

В статье А.Айтеновой и С.Кайратулы достаточно подробно изложены методологические

основания теории травмы, представленные в трудах Н. Смелзера, П. Штомпки, Дж. Александера, и основной акцент сделан на способности травматического опыта влиять на социальные изменения.

Первая из публикаций А.Мустояповой посвящена применению теории травмы как междисциплинарной методологии при изучении литературных произведений. Вторая – поднимает вопрос ее использования в контексте отечественной истории.

Представляется, что в дальнейшем казахстанские гуманитарии будут уделять внимание теории травмы и исторической памяти, поскольку они могут внести значительный вклад с исследование истории Казахстана XIX – XX веков.

Настоящая статья основывается на анализе трех научных сборников, изданных в период с 2011 по 2020 годы – «Narrating Trauma: On the Impact of Collective Suffering» (Eyerman, Alexander, 2011), «Decolonizing Trauma Studies: Trauma and Postcolonialism» (Andermahr, 2016), «The Cultural Trauma of Decolonization: Colonial Returnees in the National Imagination» (Eyerman, Sciortino, 2019), а также монографии А. Хашимото «The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory and Identity in Japan» (Hashimoto, 2015).

Расширение цивилизационного контекста: новые страны и обстоятельства социальной жизни

Сборник «Narrating Trauma: On the Impact of Collective Suffering» (Eyerman, Alexander, 2011) демонстрирует значительное увеличение числа стран, эмпирические исследования которых расширяют методологию данной теории. Во вступительной редакционной статье, Дж.Александр и Э.Бриз названной «О социальных страданиях и их культурном конструировании» (On Social Suffering and Its Cultural Construction) (Eyerman, Alexander, 2011: xi – xxv), излагаются основные положения теории травмы и особо подчеркивается значение настоящего сборника. Если первые исследования, заложившие основу теории травмы, базировались на истории рабства в США, Холокосте и отчасти проблематике посткоммунизма, то теперь теория травмы рассматривается в гораздо более широком географическом контексте, охватывающем практически все континенты: Азию, Европу, Африку, Латинскую Америку. В сборнике представлены исследования, основанные на примерах травмирующих ситуаций из истории Японии, Сербии, Кипра, Южной Африки, Китая, Колумбии и ряда других стран. Авторами, исходя из результатов представленных исследований, доказываются универсальный характер теории травмы. Они отмечают, что теория травмы не является этноцентрической и не базируется на описании лишь некоторых, отдельно взятых исторических прецедентов.

В своей статье авторы особо подчеркивают важность конечного итога переживания обществом коллективной травмы. Они оставляют неизгладимый след в общественном сознании, оказывая влияние на формирование национальной ментальности. Развивая теорию Б. Андерсона (Anderson, 2001) о нациях как о социальных конструктах, в которых большая роль отводится социальному воображению, авторы указывают на важность символических (воображаемых) представлений о национальных страданиях. В реализации этого процесса активное участие принимают интеллектуалы, поскольку именно они способны «оформить» факт травматизации. Само превращение индивидуального страдания в коллективную травму авторы называют «культурной работой», которая требует речей, ритуалов, маршей, собраний, пьес, фильмов и всевозможных рассказов. Именно благодаря интеллектуалам народы начинают связывать свои материальные и идеальные интересы с конкрет-

ными сценариями о том, кто, что с кем сделал, и как общество должно реагировать на это в условиях становления новой коллективной идентичности.

Опубликованные в сборнике исследования позволяют внести ряд новых положений в исследовательское поле теории травмы. В них, в частности, рассматривается вопрос о том, в каких случаях объективные страдания людей признаются коллективными травмами, а в каких – память о них не актуализируется. В связи с этим приводится несколько примеров. Так, пример бомбардировки немецких городов во время Второй мировой войны и официальное забвение китайским коммунистическим режимом жертв японской оккупации связаны с приоритетной ролью преобладающего, но несхожего, исторического контекста, на фоне которого указанные события отходят на задний план. В первом случае речь идет о том, что в послевоенной Германии невозможность построения травмы было сосредоточено на вреде, который немцы нанесли другим народам. Немцы не могли говорить о себе как о жертвах. Во втором – официальная китайская идеология, в интересах пропаганды нового строя, признала главным травмирующим событием не ужасы японской оккупации, а угнетение китайского народа своими латифундистами. Страдания от войны не были признаны травмой, они были заменены другой насаждаемой официальными властями травмой – травмой классово-борьбы.

Еще один пример замалчивания трагичных событий, на этот раз – временного, политически конъюнктурного, связан с интерпретацией событий расстрела польских военнослужащих в Катыни.

Другим дополнением положений теории травмы выступает особый способ культурного конструирования травмы, рассматриваемый на примере современной Сербии. Борьба сербов за Косово показывает, что коллективная боль может основываться не на реальных событиях, а на национальном мифе, отсылающим к историческим событиям XIV века. Сила национального мифа, некогда сконструированного нарратива, наглядно проявляется в том, что он оказывает первостепенное влияние на современную политику.

Обращаясь к вопросу об акторах, формирующих проблематику травмы как общенационального культурного нарратива, авторы подчеркивают роль деятелей культуры, указывая, что «смыслы не берутся из воздуха, паутина зна-

чения плетется создателями культуры». То есть, следует иметь в виду важность творчества романистов, художников, поэтов, кинорежиссеров и телевизионных продюсеров, писателей комиксов и интеллектуалов. Эти профессии представляют особую категорию культурных агентов. К их числу можно также отнести и другие виды публично ориентированных речевых действий, такие как фактические заявления адвокатов, судмедэкспертов, ученых и политиков (Euerman, Alexander, 2011: 16).

В этой связи авторы ссылаются на представленную в сборнике статью А.Хашимото «Культурная травма побежденной нации» («Cultural Trauma of a Fallen Nation») (Euerman, Alexander, 2011: 27-51) в качестве наиболее показательного примера такого рода. Исследуя процесс преодоления японцами культурной травмы после поражения во Второй мировой войне, А.Хашимото указывает на роль литературных произведений, которые сформировали разные пути оценки травматического события. Редакторы сборника пишут, что такие модели, заняв свое место в художественной и популярной культуре Японии, впоследствии проникли в политическую сферу и обрели огромные социальные последствия.

Такую же роль в процессе конструирования травмы сыграло творчество польского режиссера А.Вайды, рассказывающего о жертвах расстрела в Катыни. Редакторы также напоминают о том, что началом масштабного изучения и всесторонней оценки Холокоста стал документальный фильм о нем.

Между тем, в контексте теории травмы эмпирическое исследование японского опыта может характеризоваться как особый случай, поскольку (судя по статье А.Хашимото) оценка поражения нации в войне все еще находится в дискуссионном поле. То есть, в отличие от своих бывших союзников, Германии, Италии и Турции, в Японии общенациональное согласие в оценке травмы поражения имеет свою историко-культурную специфику. Однако, это происходит на фоне того, что осмысление травматичного опыта в социально-политической жизни Японии развивается по «алгоритму» теории травмы, не противоречит, а подтверждает ее.

Через несколько лет после выхода данного сборника, в 2015 году, А.Хашимото издала свою книгу «Затянувшееся поражение: культурная травма, память и идентичность в Японии» («The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory and Identity in Japan») (Hashimoto, 2015), которая ста-

ла значительным эмпирическим исследованием в контексте теории культурной травмы.

Японский опыт преодоления культурной травмы

В предисловии к своей книге А.Хашимото рассуждает об особой социально-политической актуальности темы преодоления культурной травмы, связанной с периодами империализма и милитаризма. Она значима как для японского общества, так и для современного международного сотрудничества в регионе.

В первом случае речь идет о вопросах формирования национальной идентичности, поскольку, по мнению автора, задача создания связной истории для побежденных является также проектом, который позволяет восстановить моральный стержень разрушенного общества.

Вторая проблема связана с обострением так называемой «исторической проблемы» в странах Восточной Азии, в основе которой лежат требования признать вину за действия оккупационных властей Японии.

Автор отмечает, что указанные вопросы создают дискуссионное поле, которое имеет влияние на содержание послевоенной идентичности Японии и находит непосредственное отражение в том, как рассматриваются в настоящее время вопросы ремилитаризации, изменения пацифистской конституции, которая является основой национальной жизни с 1947 года.

Книга состоит из пяти глав. Методология А.Хашимото, основанная на изучении нарративов СМИ и школьного образования, семейных преданий, соответствует исследовательским инструментам истории повседневности. Сама автор называет такой метод «теньными исследованиями». Хронологический период, рассматриваемый ею, отнесен к жизни послевоенных поколений: 1985 – 2015 годам.

В качестве теоретического обоснования своих подходов А.Хашимото ссылается на исследования теории травмы, теории воображаемых обществ Б. Андерсона (Anderson, 2001), книгу немецкого историка В. Шивельбуша «Культура поражения» (Schivelbusch, 2004), использует типологию нарративов немецкого социолога Б.Гизена: герой, жертва, преступник (Giesen, Eisenstadt, 2004).

Основные выводы автора сводятся к следующим положениям:

1. Военные воспоминания Японии разнообразны,

2. Они глубоко закодированы в повседневной культуре,

3. В Японии до сих пор не сформировался принятый большинством единый нарратив о поражении страны,

4. Разные нарративы конкурируют между собой и борются за легитимность.

Так называемые носители памяти, интеллектуалы и СМИ, также участвуют в этом процессе.

А.Хашимото выявляет три основных нарратива.

Первый из них – герой. Он связан с представлением о павших героях, которые приблизили своей смертью нынешнее благополучие страны. При этом, в рамках данного нарратива, не упоминается о вине государства, развязавшего эту войну.

Второй нарратив – жертва. Он повествует о страданиях, которые пережили японцы во время войны, включая атомную бомбардировку. При этом не акцентируется внимание на страданиях населения оккупированных Японией территорий.

Третий нарратив – преступник. Автор называет его «спуском в преисподнюю». Он кардинально отличается от двух предыдущих, поскольку обращен к военным преступлениям японцев. Данный нарратив имеет целью способствовать послевоенному примирению в странах Восточной Азии, будирующих «историческую проблему» Японии.

Эти три нарратива исторической памяти так или иначе присутствуют и оказывают влияние на формирование трех основных версий решения «исторической проблемы» Японии – национализма, пацифизма, примирения.

Национализм приветствует создание сильной мировой державы, предавшей забвению память о поражении. Пацифизм отстаивает приверженность ненасилию и выступает за формирование имиджа Японии как миролюбивого государства. Путь примирения призывает признать совершенные военные преступления для того, чтобы современная японская нация могла интегрироваться в поле регионального сотрудничества. А.Хашимото пишет, что сторонники примирения хотят, чтобы Япония заслужила уважение всего мира, развивая солидарность с бывшими противниками, основанную на доброй воле и ответственности за прошлые ошибки.

Таким образом, японский опыт преодоления культурной травмы демонстрирует сложность данного процесса. Данные нерешенные проблемы национальной идентичности являются

причинами политических сложностей, возникающих при взаимодействии Японии с соседними странами.

Труды А.Хашимото вносят значительный вклад в развитие эмпирических исследований в рамках теории травмы, поскольку демонстрируют вариативность путей конструирования коллективной травмы, которая зависит от многих факторов: исторических, культурных, политических.

Еще одно направление исследований в контексте теории травмы связано с группами, которые пережили страдания в результате распада колониальных империй, будучи поселенцами колонизированных территорий. Поскольку поражение Японии во Второй мировой войне означало также ее распад как колониальной империи, существует необходимость рассмотреть и такую значительную по численности специфическую социальную группу как репатрианты. Ей посвящена статья А.Хашимото о японцах-репатриантах из Маньчжурии «Японские нарративы о деколонизации и репатриации из Маньчжурии» («Japanese Narratives of Decolonization and Repatriation from Manchuria»), представленная в сборнике «The Cultural Trauma of Decolonization: Colonial Returnees in the National Imagination» (Eyerman, Sciortino, 2019: 57 – 84). Данный сборник, в целом, знаменует собой дальнейшее развитие теории травмы в контексте постколониальных исследований.

Теория травмы в контексте постколониализма

В предисловии к сборнику «The Cultural Trauma of Decolonization: Colonial Returnees in the National Imagination» Ф.Смит, обозначая основную тему исследования, пишет, что оно обращено к судьбам тех, кто, по мнению некоторых, имеет меньшее право плакать, скорбеть, чувствовать возмущение или утверждать, что испытал несправедливость (Eyerman, Sciortino, 2019: vii). Это – явно «неудобная территория» («uncomfortable territory»), поскольку описывает судьбы репатриантов, бывших колонистов. Таким образом, сборник посвящен тем группам населения, объективные страдания которых, как правило, не рассматриваются в обществе в качестве коллективной травмы.

Однако это исследовательское направление, с точки зрения авторов сборника, вносит существенный вклад в развитие теории травмы по следующим причинам. Сравнение разных типов репатриации демонстрирует, каким об-

разом и какими путями в данном обществе все же признается виктимизация данных социальных групп, либо (в ином случае) признание их жертвами отрицается или замалчивается. Такой подход демонстрирует «культурный конструктивизм и нормативную нейтральность», которые лежат в основе парадигмы культурной травмы (Eyerman, Sciortino, 2019: viii).

Парадигма теории культурной травмы выступает эффективным инструментом сравнительной культурной социологии. Ф.Смит высоко оценивает деколониальный контекст изучения культурной травмы, поскольку его исследование помогает лучше понять суть самой теории культурной травмы.

В сборнике рассмотрены примеры массового возвращения репатриантов из бывших колоний Бельгии, Франции, Италии, Нидерландов, Португалии и Японии, сопровождающиеся травмирующими обстоятельствами. Это происходило на неблагоприятном для репатриантов фоне того, что в принимающих странах пытались забыть о колониальном прошлом и старались приспособиться к новым международным порядкам.

В каждом из шести рассмотренных случаев проявились факторы, которые служат формированию культурной травмы: сочетание индивидуальной травмы с травмой коллективной, создающей основу для становления новой национальной идентичности. В рамках этого процесса наиболее актуальными являются следующие вопросы: осмысление произошедших событий, определение виновников трагедий, выбор пути для дальнейшего развития.

В результате проведенных исследований важно было понять, были ли травмы репатриантов в каждом из случаев вписаны в общенациональный нарратив травмы каждого из государств. В центр внимания были поставлены следующие вопросы:

1. В таком контексте, когда и как такие индивидуальные и групповые страдания стали – или не стали – коллективной травмой, нарративом, способным обеспечить общую идентичность и вызвать хотя бы некоторую солидарность за пределами границ тех, кто непосредственно пострадал от этого?

2. Как и когда эти страдания стали частью коллективной памяти большой группы?

3. Каким образом репатрианты смогли сформировать (положительно или отрицательно, частично или полностью, спорно или по обоюдному согласию) то, каким образом их страны помнят свое колониальное прошлое?

4. И наоборот, когда и как их страдания были заглушены или полностью включены в повествование о более широкой, всеобъемлющей коллективной боли (Eyerman, Sciortino, 2019: 208)

Одно из главных условий признания страданий той или иной группы является их соответствие морали и конкретным социально-историческим обстоятельствам данного общества. Авторы приводят пример маргинализации бомбардировок Дрездена во Второй мировой войне в контексте общей вины немецкой нации и объясняют ее причину. «Немцы пережили ужасные события, которые не могли и не могли стать культурными травмами сами по себе, именно потому, что они были и остаются в тени основополагающей памяти о Холокосте» (Eyerman, Sciortino, 2019: 211). То есть, травма травме рознь. При их легитимизации в социуме существует строгий контроль, базирующийся на принципах общественной морали.

Это же условие распространяется и на репатриантов. К примеру, голос вернувшихся в Японию репатриантов из Маньчжурии не мог быть услышан в полной мере в публичном дискурсе страны, которая в этот период переживала травму национального поражения.

В Нидерландах более актуальной, чем травмы репатриантов, была общенациональная травма, ставшая следствием немецкой оккупации страны.

Изучая и описывая травмы репатриантов, исследователи не снимают с повестки вопрос о сущности и последствиях колониализма в целом. В данном контексте может быть рассмотрена статья А.Хашимото «Японские нарративы о деколонизации и репатриации из Маньчжурии» (Eyerman, Sciortino, 2019: 57 – 84). Подробно описывая факты возвращения и этапы адаптации в Японии репатриантов из Маньчжурии, она считает, что данная проблема должна быть связана с вопросом оценки колониального прошлого Японии в целом. Такая постановка вопроса актуальна для страны в контексте существующих в ней нарративов травмы и памяти.

Определяющим нарративом современной Японии является формирование пацифистской идентичности нации, ведущая роль в которой отводится жертвам бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Травмы репатриантов колонистов на этом фоне не приобретают схожего общенационального символизма.

Таким образом, исследования судеб репатриантов из шести бывших империй выступают подтверждением универсальных оснований теории

травмы в исследовании общества. Кроме того, данный сборник демонстрирует «зонтичный» характер теории травмы, поскольку позволяет использовать ее в контексте постколониальных исследований.

Условиям, способствующим расширению применения теории травмы в качестве междисциплинарного подхода в контексте постколониальных исследований посвящен сборник «Decolonizing Trauma Studies: Trauma and Postcolonialism» (Andermahr, 2016).

Декolonизация теории культурной травмы

Сборник «Decolonizing Trauma Studies: Trauma and Postcolonialism» (Andermahr, 2016) ставит своей целью сформировать основы деколонизированной теории травмы, которая учитывает и объясняет страдания групп меньшинств и незападных культур, расположенных за пределами Западной Европы и Северной Америки. Сборник, в частности, основан на идеях книги С. Крэпса «Постколониальное свидетельство» («Postcolonial Witnessing») (Craps, 2013) и стремится выйти за рамки европоцентристской парадигмы травмы. Статьи сборника демонстрируют применение теории травмы в контексте постколониальной литературной критики.

С.Крэпс считает, что европоцентризм теории травмы проявляется в следующих четырех случаях:

1. маргинализация или игнорирование травматического опыта незападных культур или культур меньшинств,
2. принятие определений травмы и восстановления, основанного на опыте западных культур,
3. признание универсальности модернистской концепции деконструкции,
4. игнорирование связи между травмами разных культур или меньшинств (Andermahr, 2016: 2).

Основным недостатком теории травмы, по мнению С.Крэпса, является то, что под травмой понимается некое одно экстраординарное событие. Между тем, такой подход не применим в случаях, когда речь идет о травме, ставшей следствием расизма, колониализма. В то же время расизм не следует относить к числу исторических травм, поскольку в таком случае может быть упущено из виду то, что его последствия проявляются в настоящем. В введении к сборнику его редактор С.Андермар отмечает, что формы травмы на расовой почве, исторически укоренившиеся в глобальных системах рабства и колониализма, представляют собой значительный вызов

европоцентристской модели травмы как разового травмирующего события (Andermahr, 2016: 2). Теория травмы должна учитывать временную протяженность такого травмирующего явления как расовая травма. В этих целях теорию травмы следует деколонизировать, а для этого необходимо учитывать гораздо более обширный, глобальный контекст травматических событий.

В статье Ирен Виссер «Теория деколонизации травмы: ретроспектива и перспективы» («Decolonizing Trauma Theory: Retrospect and Prospects») (Andermahr, 2016: 7 – 23). представлены стадии критики теории травмы с точки зрения постколониальной литературной критики и обозначены перспективы ее развития. Направляющий вектор такого развития И.Виссер видит в том, что в основе деколонизации теории травмы должно лежать внимание и открытость к незападным системам верований и их ритуалам и церемониям во взаимодействии с травмой (Andermahr, 2016: 3).

На первом этапе использования теории травмы в постколониальных исследованиях критиковалось фрейдистское толкование травмы, которое акцентировало покорность и бездействие как неизбежный результат травматизации и исключало любую возможность исцеления отдельных лиц или целых наций. (Andermahr, 2016: 14). Однако с 2008 года намечается отход от данной исследовательской традиции. В этот период все большее число постколониальных критиков начинают отвергать ограниченную фрейдистскую ориентацию теории травмы и выступают за расширение и переориентацию теории, чтобы адекватно понять травму во время и после колонизации» (Andermahr, 2016: 12).

То есть, теория травмы получает возможность наблюдения за процессом, включающим сам протяженный во времени травмирующий опыт и его столь же длительные последствия. В этой связи особую ценность приобретают повествования, нарративы, описывающие данный процесс. Они являются каналами, с помощью которых возможно осмыслить травму и наметить пути выхода из нее. Обращаясь к литературным произведениям африканских писателей, автор отмечает, что правдивость о травматическом опыте может быть восстановлена в устных и письменных повествованиях, и эти нарративы дают возможность примириться с последствиями апартеида и его зверств. Есть еще один фактор, который отмечает автор статьи. А именно: травматичная ситуация требует эмоционального выхода, порождает желание рассказать, поде-

литься фактами и суждениями о происходящем. И.Виссер замечает, что постколониальная литература приводит множество примеров, подтверждающих утверждение о том, что травма сама по себе вызывает сильную потребность в повествовании, чтобы примириться с последствиями колониальной раны» (Andermahr, 2016: 14).

Важным поворотом в развитии теории травмы в постколониальном литературоведении стало обращение к междисциплинарному подходу, в особенности, социологическому подходу к теории травмы, который способен объединить цели и задачи исследователей разных областей гуманитарного знания. Преодолев европоцентризм теории травмы и ее фрейдистскую трактовку, постколониальная теория наладила связи с социологией и антропологией, как дисциплинами, «способными предоставить новые модели, в том числе для коллективной травмы.

Наиболее адекватным для формирования нового подхода к теории травмы в постколониальном литературоведении видится теория травмы, которую развивает в своих трудах Дж.Александр (Alexander, 2004). Для И.Виссер ценность разработанной Дж.Александром теории травмы видится в том, что он определяет коллективную травму как результат социокультурного, нарративного акта конструирования травматических переживаний. То есть, в данной ситуации именно литература играет важную роль в том, что Александр называет «процессом травмы». Данный процесс находит отражение в разного рода нарративах, которые придают повествовательную форму и смысл «вредным или подавляющим явлениям, которые, как считается, глубоко повредили коллективную идентичность» (Andermahr, 2016: 15). С точки зрения постколониальной теории, эта концепция травматического процесса включает в себя конструирование и исследование истории колониализма и деколонизации через нарративы. Колониализм является частью этого травматического процесса.

Таким образом, в контексте теории травмы Дж.Александера постколониальное литературоведение укрепило свои позиции как наука, изучающая нарративы, которые занимают особое место в процессе объективизации и преодоления травматического опыта колониализма.

Заключение

Обзор сборников и монографии, возникших в рамках теории травмы, которые были изданы в

период с 2011 по 2020 годы, демонстрирует несколько важных факторов.

Во-первых, свидетельствует о большом интересе исследователей к данной проблеме.

Во-вторых, показывают процесс того, как основные положения теории получают развитие при их использовании в различных контекстах. Эмпирические исследования травматического опыта народов разных регионов мира с использованием теории травмы подтверждают ее основные положения и расширяют сферы ее применения. К примеру, изучение травмирующего опыта стран, потерпевших поражение во Второй мировой войне, или объективных страданий репатриантов, связанных с крушением колониализма, также служат доказательством универсальности современной трактовки теории травмы, указывающей на главные условия, при которых травмы приобретают статус, становятся травмами общенационального характера.

В-третьих, дальнейшая перспективность теории травмы связана с расширением междисциплинарных исследований. В частности, обширная сфера постколониальной литературной критики признает теорию травмы (в презентации Дж. Александра) как соответствующую ее задачам и целям. В то же время постколониальная литературная критика настаивает на деколонизации теории травмы. В качестве такого шага видится признание незападных верований и практик, связанных с преодолением травматического опыта.

Наконец, данный обзор представляет практическую пользу для гуманитариев постсоветского Казахстана как страны, пережившей травматические события и процессы в своей истории, в качестве знакомства с современными западными методологиями, изучающими подобные травмы. Данное направление исследований видится актуальным для целей изучения процессов формирования постсоветской национальной идентичности в свете выявления травмирующих эпизодов национальной истории и осмысления историко-культурного опыта XX века в целом. Так, в перспективе последствия травматического опыта, пережитых казахами в XX веке, могут быть рассмотрены в контексте его пролонгирующего влияния на современную языковую ситуацию в постсоветском Казахстане. Признаваемые в современном казахстанском обществе проблемы, препятствующие полноценному функционированию государственного языка, могут быть связаны с

последствиями травмирующих обстоятельств разного рода, которые в настоящем еще не стали предметом внимания и анализа.

Стоит также отметить, что, на фоне предварительного знакомства с возможностями применения теории травмы для изучения национальной истории в научной среде, примеры осмысления трагичных эпизодов казахской истории, обращенных к широкой публике, демонстрируются в

сфере отечественного кинематографа. Казахские режиссеры обращаются к теме голода, создают художественные фильмы, в которых средствами искусства ищут ответы на актуальные для общества вопросы (Yerzhan, 2023).

В целом, советская история представляет собой недостаточно изученное исследовательское поле с точки зрения теории травмы (Эткинд, 2018).

References

- Айтенова А., Кайратулы С. Культурная травма как способ исследования социальных изменений // Вестник КазНУ, Серия «Философия, культурология и политология», 2022, № 2. – С. 79-91.
- Мустояпова А. Теория травмы и нарратив // Вестник Карагандинского университета, Серия «Филология», 2021, № 2. – С. 81-92.
- Мустояпова А. «История казахов – это коллективная травма, которую надо принять». Exclusive. URL <https://exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/124627/> (accessed 25, 02, 2023).
- Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. – М.: Новое литературное обозрение. 2018. – 328 с.
- Alexander J. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. – 326 p.
- Andermahr S. (ed.). Decolonizing Trauma Studies: Trauma and Postcolonialism. – Basel, Switzerland: MDPI, 2016. – 218 p.
- Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. – London: Verso, 2001. – 256 p.
- Craps S. Postcolonial Witnessing: Trauma Out of Bounds. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. – 170 p.
- Eyerman R., Alexander J.C., Breese E.B.(ed). Narrating Trauma: On the Impact of Collective Suffering. -Routledge, 2011. – 336 p.
- Eyerman R., Sciortino G. The Cultural Trauma of Decolonization. Colonial Returnees in the National Imagination. – Palgrave, 2019. – 246 p.
- Giesen B., Eisenstadt S. Triumph and trauma. – Paradigm Publishers, 2004. – 208 p.
- Hashimoto A. The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan. – New York: Oxford Academic, 2015. – 208 p.
- Schivelbusch W. The Culture of Defeat: On National Trauma, Mourning, and Recovery Format. – Picador, 2004. – 416 p.
- Yerzhan Z. «Veteran filmmaker offers his take on Soviet-era famine». Exclusive. URL. <https://exclusive.kz/veteran-filmmaker-offers-his-take-on-soviet-era-famine/> (accessed 25, 02, 2023).

References

- Ajtenova A., Kajratuly S. Kul'turnaja travma kak sposob issledovaniya social'nyh izmenenij // Vestnik KazNU, Serija «Filosofija, kul'turologija i politologija», 2022, № 2. – S. 79-91.
- Mustojapova A. Teorija travmy i narrativ // Vestnik Karagandinskogo universiteta, Serija «Filologija», 2021, № 2. – S. 81-92.
- Mustojapova A. «Istorija kazahov – jeto kollektivnaja travma, kotoruju nado prinjat'». Exclusive. URL <https://exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/124627/> (accessed 25, 02, 2023).
- Jetkind A. Krivoje gore: Pamjat' o nepogrebennyh. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. – 328 s.
- Alexander J. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. – 326 p.
- Andermahr S. (ed.). Decolonizing Trauma Studies: Trauma and Postcolonialism. – Basel, Switzerland: MDPI, 2016. – 218 p.
- Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. – London: Verso, 2001. – 256 p.
- Craps S. Postcolonial Witnessing: Trauma Out of Bounds. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. – 170 p.
- Eyerman R., Alexander J.C., Breese E.B.(ed). Narrating Trauma: On the Impact of Collective Suffering. -Routledge, 2011. – 336 p.
- Eyerman R., Sciortino G. The Cultural Trauma of Decolonization. Colonial Returnees in the National Imagination. – Palgrave, 2019. – 246 p.
- Giesen B., Eisenstadt S. Triumph and trauma. – Paradigm Publishers, 2004. – 208 p.
- Hashimoto A. The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan. – New York: Oxford Academic, 2015. – 208 p.
- Schivelbusch W. The Culture of Defeat: On National Trauma, Mourning, and Recovery Format. – Picador, 2004. – 416 p.
- Yerzhan Z. «Veteran filmmaker offers his take on Soviet-era famine». Exclusive. URL. <https://exclusive.kz/veteran-filmmaker-offers-his-take-on-soviet-era-famine/> (accessed 25, 02, 2023).

Сведения об авторах:

Ержан Земфира Мэлскызы (корреспондентный автор) – магистр социальных наук, докторант кафедры религиоведения и культурологии КазНУ им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан, эл.почта: zemfirayerzhan@gmail.com)

Масалимова Алия Рмгазиновна – доктор философских наук, профессор, академик, вице-ректор Академии государственного управления при президенте РК, профессор кафедры Религиоведения и культурологии факультета Философии и политологии КазНУ им.аль-Фараби (г. Астана, Алматы, Казахстан, эл.почта: a.Masalimova@apa.kz).

Information about authors:

Yerzhan Zemfira Melskyzy (corresponding author) – Master of Social Sciences, doctoral student of the Department of Religious Studies and Cultural Studies of KazNU named after al-Farabi (Almaty, Kazakhstan, email: zemfirayerzhan@gmail.com);

Masalimova Aliya Rmgazinovna – Doctor of Philosophy, professor, academician, vice-Rector of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Professor of the Department of Religious Studies and Cultural Studies of the Faculty of Philosophy and Political Science of Al-Farabi Kazakh National University (Astana, Almaty, Kazakhstan, email: a.Masalimova@apa.kz).

*Поступила 22 мая 2023 г.
Принята 25 февраля 2024 г.*